

ЛЮБОВЬ, БИТВЫ И ПОЮЩИЕ КАМНИ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ДЕКАБРЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ, «ПОХОД НА БАР-ХОТО» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Ленинградский востоковед Борис Солодовников (знакомый читателю по «Нязю ветра» из путилинского цикла), находясь в 1930-е в забайкальской ссылке, пишет мемуары о периоде Первой мировой войны. В 1914-м он офицер русской армии, служит в Урге (нынешний Улан-Батор), столице Внешней Монголии, отколовшейся от Китая. Здесь рождается план по захвату последнего бастиона, необходимого для утверждения Монголии в новых границах, — крепости Бар-Хото, населенной тордоутами (полумонголами-полукитайцами). Вокруг крепости находятся медные рудники, что становится дополнительным поводом для похода. Готовящие осаду не были готовы к долгому и жестокому бою, и все же крепость пала. Но победный триумф оборачивается зверствами, которых не выдерживает один из руководителей осады Дамдин. Поход, битва, жестокость оназываются неизбежными для каждого из участников этих событий, но совершенно бессмысленными: тордоуты не хотели свободы и в итоге были изгнаны, рудники больше не используются, поскольку торговые пути были связаны с Китаем, Солодовников разочарован и разлучен с возлюбленной. Поход получился стратегически тщетным и беспощадным. И тем не менее спустя двадцать лет в Забайкалье Борис вспоминает жизнь в Монголии как наиболее полную, яркую и счастливую, говоря о том, что никогда он не чувствовал себя более живым.

Леонид Юзефович написал прекрасный роман о том, что делает нас настоящими, о чувствах, стремлениях — и обстоятельствах, которые определяют нашу судьбу. О бессмысленных, непостижимых, но неизбежных войнах. О том, насколько разными бывают люди, которых судьба сводит в одной точке, и как какие-то внешние события мгновенно превращают их во врагов, стремящихся уничтожить друг друга.

«Тем не менее чувствовалось, что укрепления возводили тибетские мастера. В отличие от китайцев, верящих, будто кропотливостью можно победить время и сохранить общий замысел в любой части целого, даже если как целое оно перестанет существовать, тибетцы придают мало значения эстетике материала и детали. Их влечет обаяние чистой формы, а ее внутренность они заполняют всем, что попадет под руку.

Вокруг – никого, на стенах и башнях – тоже. У меня родилась надежда, что китайцы покинули крепость и через полчаса мы зайдем ее без единого выстрела. Нас встретят пустые дома, отравленные колодцы, пепел сожженного домашнего скарба, который нельзя увезти с собой. Все лучше, чем война».

МОНИНА АЛИ, «БРАН ПО ЛЮБВИ» («СИНДБАД»)

Огромный том, который поначалу прикидывается простой историей любви молодых людей, принадлежащих к разным культурам и воспитанных в разных традициях, в итоге оказывается гораздо более многослойным романом. Ясмин — дочь эмигрантов из Индии, выросшая в Лондоне, получающая медицинское образование, как мечтает ее отец, и уже практикующая в лондонской клинике. Ее мать из религиозной семьи со строгими моральными установками, отец атеист, и вообще родители, по традиционным меркам, не пара: папа поднялся с самых низов, мама — из богатой и знатной семьи, и их история — это брак по любви вопреки внешним обстоятельствам. Джо работает в одной больнице с Ясмин, он сын писательницы, феминистки и бунтарки, и его воспитание было совсем иным. Джо и Ясмин собираются пожениться и знакомят родителей. Все волнуются перед встречей столь разных людей, которые вскоре должны стать родственниками, но бомба замедленного действия оказывается заложена совсем не там, где можно было бы ожидать. Темы, которые поднимает в романе с нарочито ванильным названием писательница, на самом деле не самые романтические: поиск собственного признания и предназначения, семейные тайны и ссоры, умение перешагнуть через собственную гордость, жизнь после насилия, возможность диалога между людьми с разными культурными кодами, принятие «другого». В общем, перед нами такой коктейль не самых простых социальных вопросов, что даже сладковатый хеппи-энд не опрощает эту историю и не нивелирует ее до рядового фил-гуда.

«Баба, прочитаешь мое сочинение? Я получила “отлично”, и учитель сказал, что есть один конкурс. Мне стоит в нем поучаствовать. По крайней мере, он так сказал».

Закончив читать, Баба сложил свои очки и долго хранил молчание. Ладони Ясмин стали горячими и вспотели, а потом похолодели.

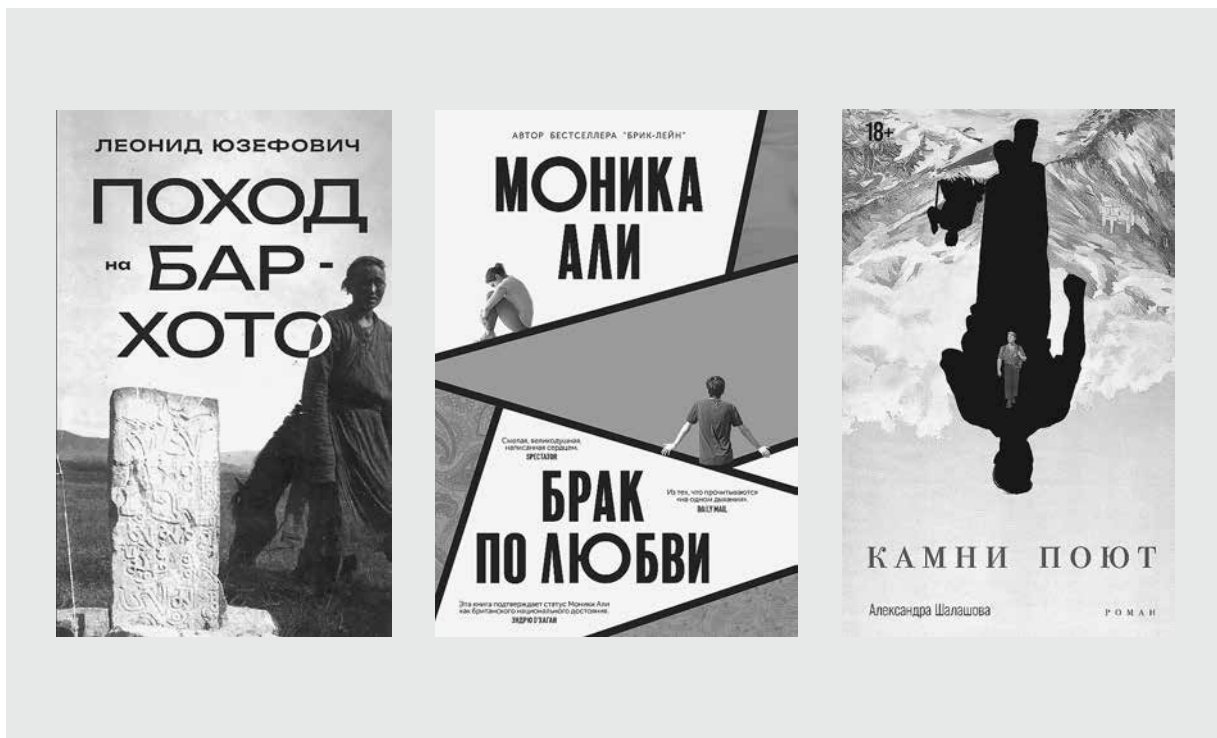
“Тебя это развлекает? Тебя забавляет сочинять подобные выдумки?”

“Да, Баба. То есть нет, Баба”.

“Ты написала о том, чего не знаешь. О том, чего не можешь знать”.

“Баба, это литературное творчество. Мистеру Кертису очень понравилось. Можешь почитать, что он написал в конце”.

“Ты не знаешь, что я сказал твоей матери в калькутской библиотеке. Тебя там не было. Ты еще не родилась. Ты не знаешь, что она сказала мне. И однако же, ты написала об этом так, словно сидела за соседним столом. Скажи мне, чем ты отличаешься от лгуны? Чем твоё литературное творчество отличается от лжи?”»

АЛЕКСАНДРА ШАЛАШОВА, «КАМНИ ПОЮТ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

В новом романе Александра Шалашова трансформирует прием, использованный в «Салютах на той стороне»: если там мы имели дело с одиннадцатью рассказчиками, живыми и мертвыми, то в этом романе технически нарратор один, но повествует он нам из 1970, 1979, 1980, 1988, 1995, 2000-го — и так вплоть до 2012 года. И по сути (и по отношению к описываемым событиям) это, конечно, совершенно разные рассказчики. Перед нами снова канва антиутопического текста, но на этот раз настолько эфемерная и ускользающая, что назвать «Камни поют» антиутопией решительно невозможно. В центре этой истории — взаимоотношения педагога и ученика, воспитанника детского дома. Сиротство героя определяет особое, почти сакральное отношение к единственному взрослому в его жизни, которому он научился доверять и которого смог полюбить. Но наступает момент, когда этот взрослый внезапно исчезает. Как справиться с предательством и может ли оно изменить что-то в отношении мальчика к своему кумиру? Учитель воспитывал детей с чувством собственного достоинства, в стремлении к свободе и всеобщему равенству. И все это в условиях неслучившейся перестройки и нераспавшегося СССР. Ощущение безграничной свободы в маленьком мире посреди не самого свободного большого мира дарит детям чувство защищенности: все будет так, как мы решим. Нет, ребят, не будет. И вообще непонятно, с чего была такая уверенность. И предавший учитель тут не то что бы ни при чем, но не имеет единственно решающего значения. Просто на него обращены сперва чаяния и надежды этих детей, а потом — обида и злость. Это еще и роман о механизмах памяти и забывания: герою очень хочется забыть связанные с учителем

времена, но как забыть то, что нас определяет, и при этом остаться самим собой? Почему забывание другого неизбежно ведет к необратимым изменениям нашей собственной личности?

«Звонил, конечно, плакал в трубку, а ее брала мертвая бабушка Надя и молчала, видимо, живая сочувственно, говорила – ничего страшного, все равно он живет в такой ужасно неудобной комнате-пенале, так что даже хорошо, когда-нибудь бы непременно пришлось уехать. Как ваши дела, хотел спросить, но не вспомнил, как все-таки называл ее – тетей или бабушкой; наверное, бабушкой, потому что сколько лет мне тогда было – шестнадцать, семнадцать? Вполне могла и бабушкой оказаться, но сейчас будет странно называть, ведь вырос, вырос и постарел. Бабушка Надя, решился наконец, вы можете сказать, куда он убежал или уехал? Точно не поймали? Потому что если поймали, то я...

Да я, милый, не знаю, поймали или нет. Он во двор вышел, а там уж ни криков, ничего. Может, и ушел. От бабушки, от дедушки, как думаешь?»

ФРАНЧЕСКА РИС, «НАБЛЮДАТЕЛЬ» («БЕЛЬ ЛЕТР»)

«Наблюдатель» — это не роман поколения, как принято аттестовать каждую вторую книгу тридцатилетних писателей разных стран, а скорее роман определенной прослойки — среды творческой парижской интеллигенции, проводящей время на вернисажах, выставках, разгульных вечеринках, в барах и клубах. Героиня романа Лия — англичанка, живущая в Париже и ищущая работу. По объявлению в газете она устраивается литературным секретарем к пожилому писателю Майклу Янгу, который поручает ей расшифровку и перепечатку его дневников 1960-х годов. Так она становится невольным свидетелем и наблюдателем его бурной молодости в Сохо, пыльного романа и творческих поисков. Девушка невольно сравнивает героя набираемых текстов с человеком, которого она видит перед собой. Янг зовет девушку провести с ним и его семьей лето на юге Франции, поэтому возможности для наблюдений у Лии сколько угодно. Но, как это часто бывает, она не догадывается, что в этой истории есть наблюдатель помимо нее — и в фокусе его внимания она сама. В это жаркое со всех точек зрения лето прошлое и настоящее сближаются порой до полного неразличения: Рис великодушно сообщает читателю фанты, которых не знает ее героиня, и тем самым наделяет его авторским сверхзрением. Мы не знаем, чем все закончится, но понимаем подоплеку поступков Майкла Янга, фокусируем внимание на обстоятельствах и репликах, которым Лия не придает до поры до времени особого значения. Если пытаться выкристаллизовать из этого текста наную-то мораль, то она покажется довольно плоской и неоригинальной: люди не меняются, даже известные писатели могут быть так себе людьми, не всем нужна глубина — некоторым вполне довлеет искрящегося глянца. Но нужна ли здесь мораль как танковая? «Наблюдатель» принадлежит к числу романов, в которых ни с кем особенно не хочется самоидентифицироваться, он хорош как раз тем, что за пару проведенных с ним вечеров можно посмотреть на принципиально другую жизнь — то есть тоже стать наблюдателями.

«А потом – спустя день или два после случая с нектарином – тон записей вдруг резко сменился. Майкл познакомился с девушкой, и общая атмосфера из вульгарной и непристойной превратилась в нечто гораздо более злое. В том, как он писал об Астрид, было нечто вызывающее приступы клаустрофобии. Все прочие люди, появившиеся на страницах

дневников, казались реальными: в описании и матери Джулиана, и Гектора, его научного руководителя в университетском колледже Лондона, угадывался почерк будущего новеллиста. Но его реакция на Астрид была настолько всепоглощающей, что я никак не могла представить себе эту девушку: чувство к ней было столь мощным, что как будто полностью стирало ее саму».

ОЛЕГ ИВИН, «КРОВЬ И СИМВОЛЫ. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Новая книга Олега Ивина (который, во-первых, не Олег Ивин, а во-вторых, вообще два человека — Ольга Колобова и Валерий Иванов) посвящена истории человеческих жертвоприношений. В предисловии авторы успокаивают читателей, что впечатлительных от экрана, то есть от книги, можно не убирать, поскольку смакование жестокости и кровавые подробности среди целей авторов не значились. Авторы хотели рассказать, как человеческие жертвоприношения были связаны с духовным и культурным развитием людских сообществ. Более того, отдельно отмечается, что жертвоприношения далеко не всегда предполагали убийства жертвы: иногда ее просто посвящали божеству, изображая на стенах гробниц или проводя свадебный обряд (более того, иногда девочки или девушки становились женой божества только на какой-то период, а по его истечении могли жить совершенно обычной жизнью), а то и вовсе театрализованно «изгоняли». Эта книга прослеживает, как в течение тысяч лет человечество медленно, но верно шло по пути замены кровавых ритуалов духовными. Заключительная глава посвящена библейскому сюжету жертвоприношения Авраама: это несостоявшееся

заклание в значительной степени положило начало трем мировым религиям: иудаизму (после этого обычай детского жертвоприношения заменен закланием животных), христианству (предвестник принесения в жертву Богом Отцом Иисуса Христа) и исламу (сюжет замены первенца Ибрахима на жертвенного овна лежит в основе праздника Нурбан-байрам).

Название «Кровь и символы» очень точно отражает суть этой книги, фактически являясь спойлером: развитие цивилизаций — это путь постепенного перехода человека в попытке задобрить высшие силы от жестокости к символизму.

«По преданию, некогда Платон объявил своим ученикам, что человек — это двуногое существо, лишённое перьев. Тогда Диоген оципал петуха и принес его в школу Платона, объявив: “Вот платоновский человек!” После этого Платон добавил к определению слова “и с широкими ногтями”.

В рамках нашей задачи вопрос о том, что же есть человек, не так бессмыслен, как это может показаться. Первые ритуалы, которые (правда, с очень большими сомнениями и натяжками) можно трактовать как прообраз жертвоприношений, возможно, существовали еще у представителей олдувайской культуры, относившихся к виду Homo habilis и живших 2,3–1,5 миллиона лет назад».

НАРОЛЬ ФИВ, «Я ДОЛЖНА НОЕ-ЧТО ТЕБЕ СКАЗАТЬ» («БЕЛЬ ЛЕТР»)

Повесть, вдохновленная «Ребенкой» Дафны Дю Морье и вошедшая в шорт-лист Гоннуровской премии, рассказывает о писательнице, примерившей на себя чужую жизнь. Эльзе под сорок, у нее есть сын, которого они воспитывают попеременно (неделя через неделю) с его отцом, несколько изданных книг, не снискавших особенного успеха, не очень удачный опыт публичных выступлений и преклонение перед успешной и очень талантливой писательницей Беатрис Бланди. Бланди старше на двадцать лет, и она внезапно и очень быстро сгорает от рана. Эльза посвящает своему литературному нумиру свой последний роман, и книга вдруг выстреливает, добивается успеха. Более того, вдовец Беатрис Тома Бланди знакомится с Эльзой, и вскоре между ними завязывается роман. Эльза все больше времени проводит в доме умершей писательницы, примеряя на себя ее жизнь. Кажется, любое сравнение не в пользу новой возлюбленной Тома, но почему же обстоятельства сложились именно так, и что он нашел в Эльзе? Нароль Фив закручивает детективную интригу в пространстве небольшой повести, и к финалу мы видим героев совсем не такими, какими они оба выглядели в начале. «Я должна тебе кое-что сказать» — повесть о самозванчестве добровольном и вынужденном, о природе авторства и использовании чужой интеллектуальной собственности, об идеальном художественном высказывании и сотворении нумиров. Детективная канва здесь важна, но не единственна — это прежде всего психологический текст о художнике в широком смысле этого слова: без этого слоя он будет читаться гораздо более плоско, чем есть на самом деле.

«Эльза срывает джинсы, пояс, рубашку, топчет их. Распахивает шкаф Беатрис. Хватает платье из черного крепа. С синим отложным воротничком. Дизайнерское платье, роскошнее, чем все то, что Эльза когда-либо покупала себе, она ведь одевалась только в сетевых магазинах. Она поспешно натягивает платье, размер вроде бы ее, но ей тесновато в полностью обтягивающей одежде. Эльза никогда не чувствовала себя настоящей женщиной. А ребенком —

никогда не чувствовала себя настоящей девочкой. Несмотря на схожие душевные раны, похожее детство, Беатрис стала женщиной. Одевалась как женщина. Как женщина делала макияж. Эльза не красится, не носит украшений, не бывает ни у парикмахера, ни у косметолога. Ее вклад в женственность минимален. Но этим вечером она все отдала бы за то, чтобы раз в жизни побыть женщиной. Для Тома. Попробовать. Хоть разочек попытаться».

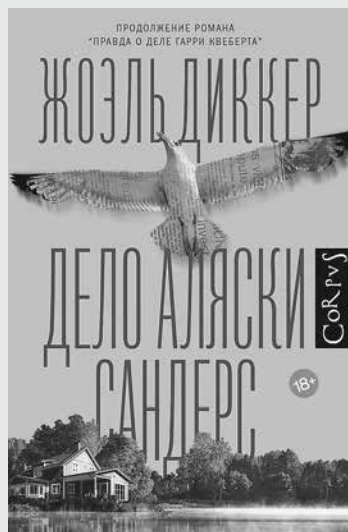
ЖОЭЛЬ ДИННЕР, «ДЕЛО АЛЯСКИ САНДЕРС» (CORPUS)

Прямое продолжение нашумевшей «Правды о деле Гарри Нвеберта» и тот случай, когда со второй части лучше и правда не начинать, если когда-то пропустили первую: отсылки к первой книге очень много, и если детективную линию удастся понять и так, то психология многих героев будет не вполне ясной. Более того, для того чтобы точно распознать все вшитые в текст отсылки, «Книгу Балтиморов» стоит тоже прочитать предварительно. Диннер, как знают поклонники его творчества, автор яркий, но не всегда ровный: поэтому каждую его новую книгу ждут с тревогой — получилось или нет? Получилось. «Дело Аляски Сандерс» начинается неспешно, едва ли не скучновато, но с милой радостью от встречи со знакомыми персонажами, однако постепенно (а учитывая типичный для автора 600-страничный объем книги, пространства для плавного маневра тут предостаточно) разгоняется до скоростей, на которых Диннер чувствует себя по-настоящему уверенно. Один за одним возникают ложные финалы и развязки, но не успевают читатель как следует примерить и уложить в сознании каждый из них, как вскрываются новые обстоятельства, которые перечеркивают гипотезу. Главный герой Маркус Гольдман все так же неидеален, убедителен в своей человечности и полон сомнений и тягостных воспоминаний. Но и его арна персонажа, и арки Гарри Нвеберта и Перри Гэхаловуда после этого романа становятся гораздо более завершенными, чем в конце первой истории.

«Через час, когда пирог был готов, я прыгнул в машину и за четыре часа добрался до Конкорда, штат Нью-Гэмпшир. Под вечер я позвонил в дверь дома Гэхаловудов. В руках у меня был пирог и какие-то безделушки, захваченные в придорожном торговом центре. Засиживаться я не собирался: весь этот путь в обнимку с жалким пирогом был всего лишь моим ответом на их слова: “И вы, вы тоже лучшее, что случилось со мной в 2008 году”. Друга нельзя встретить, он объявляется сам. Так случилось и с ними. Это были настоящие друзья, таких у меня не было – вернее, больше не было со времен моей “славы”. Кроме Гарри Нвеберта».

ЛЕНА ЭЛТАНГ, «НАМЕННЫЕ КЛЁНЫ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Долгожданное переиздание второго романа Лены Элтанг и, как это обычно бывает с книгами автора, в новой авторской редакции. «Наменные клёны» образуют непрямую сюжетную дилогию с «Побегом куманини», однако могут читаться как самостоятельный роман. В нем полный набор верных примет стиля писательницы: обволанивающе-поэтический язык, лежащая на поверхности детективная загадка и долгий путь к ее разрешению, ненадежный рассказчик, писатель в числе главных героев, свободное перемещение во времени, глубокий психологизм и многочисленные аллюзии. Элтанг нельзя читать залпом, пытаясь ухватить сюжет, поминутно не останавливаясь и не любясь сценами, фразами, образами.

При поверхностном чтении магия текста развеивается, и получается как с фальшивыми елочными игрушками. Не радует. Но тут-то игрушки точно настоящие, только обращаться с ними надо неспешно и бережно. Героиня романа — девушка с русскими корнями, владелица небольшой гостиницы в Уэльсе. Она почти не общается с окружающими, гуляет с собаками и собирает травы, поэтому ее считают ведьмой, да еще и обвиняют в смерти сестры. Саша обладает писательскими задатками, даже не вполне этого осознавая, но вот по этому выстраиванию большой романной прозы из заметок героя стиль Лены Элтанг узнается мгновенно. У Саши сложные отношения с сестрой и весьма запутанная любовная история, единственная романная пара, которая работает в тексте нерас-торжимо, — это связь героини с домом. «Каменные клёны» — роман о тотальном одиночестве как осознанном выборе и как проклятии, о механизмах перехода одного в другое, об эскапизме и принципиальной невозможности жить среди людей.

«Мой отель для местных жителей — странное место, не менее странное, чем вересковый холм, люди проводят там ночь, а когда выходят — никто не помнит их имен, а все их родственники давно умерли. Моего имени тоже никто не помнит, для деревни — которую у нас принято называть городом — я просто русская из пансиона на берегу, в лучшем случае — дочка покойного плотника, и это понятно: я проиграла, а проигравшие теряют имя. Как и те, кого внезапно разлюбили.

В маминной книге я прочла, что умершие египтяне не покорялись решению богов, но пытались торговаться с ними и всячески уговаривали определить им лучшую участь. В этом есть непривычная для христианства уверенность в себе и прелестная дотошность — я решила, что буду делать то же самое, только еще при жизни. Поэтому я никогда не продам пансион. И никуда не уеду».

АННА ЛУЖБИНА, «ЮРНИЕ ЛЮДИ» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Финалистка премии «Лицей» Анна Лужбина пишет рассказы на стыке с философскими сказками (философское образование тут дает о себе знать), разрабатывая тему маленького человека. Ее герои, с одной стороны, наследуют гоголевской традиции, а с другой — отчасти сближаются с персонажами Руны Белсвика из цикла о Простодурсене. Герои Лужбиной — странные, антропоморфные, но словно не до конца человекообразные — это люди, схваченные в момент перехода в сказочных или мифологических персонажей. Почти в каждом рассказе автор делает акцент именно на маленьком человеке в большом, не по размеру, мире: «В любом общении Ефим ощущал, что люди вокруг — маленькие, что даже взрослые — маленькие, а он один — взрослый», «Сумку он постоянно проверяет, ведь вокруг много маленьких животных» или «Здесь Эмилию никто не знал, и она затерялась в городе не как человек — как монетка». Персонажи Лужбиной слышат, как растет трава, придумывают себе крылья и мечтают о будущем в большом городе Глюнлихе, в название которого зашито ожидание счастья. Нинцуги из рассказа «Два утра» — японский принцип реставрации керамических изделий с использованием золотой краски для придания им уникальности — это центральная метафора всего сборника: Анна Лужбина делает слепки с реальности, часто неприглядной, а потом выискивает в них прекрасное, и это прекрасное при всей своей малости и незаметности разрастается на глазах читателя до целого мира и становится главным, определяющим вообще все вокруг.

«Ехать дальше не на чем. Среди голосов людей и животных шумит речка Козубай. Пахнет мокрыми камнями, талым снегом, рыбой чешуей. В горах днем лето, а ночью зима. Место для палатки слишком людное, потому опасно. Олень идет к реке, набирает ледяной воды, видит рядом чье-то крыльцо и садится на ступеньки. Все черное, он хватается эту черноту рукой: замерзшее ведро, удочки-ветки, затвердевшая сеть. Рыбацкий, видимо, домик.

Олень ложится на чужое крыльцо, смотрит в небо. Звезды кружатся, собираются то в костер, то в печь, летят горящими пепелинками».

НИМ ТХЮИ, «РУ — ЭМ» (POLYANDRIA NOAGE)

Ним Тхюи родилась в Сайгоне, но в десятилетнем возрасте эмигрировала с родителями в провинцию Квебек в Канаде. Семья бежала от войны вместе с тысячами других людей в забитых трюмах кораблей в условиях, малосовместимых с жизнью. Им повезло, они все выжили и получили право на новую жизнь. Просто — на жизнь. Этот сюжет лег в основу повести «Ру», но заявленные темы звучат и во второй повести «Эм» — она тоже о войне, врывающейся в жизни людей и продолжающей влиять на них даже после своего завершения. Тексты Ним Тхюи лапидарны и лишены излишних художественных украшений, их и не требуется: лапидарность и скупость лексических средств здесь работают вернее, метафорам места не остается. Вот рассказ о том, как эмиграция стерла разницу в именах героини и ее матери, потому что в чуждом для французского уха сочетании звуков никто не улавливал нюансы. И неразличение имен здесь, конечно, лишь символ неразличения людей в общем, толпы немых одинаковых беженцев, не знающих языка, отоцавших и настороженных. Одиночество героини среди людей в первые дни после прибытия из Вьет-

нама звучит рифмой с ее будущим сыном-аутистом. Вот история набитого трюма и хлеба, пропитанного машинным маслом. Папа героини предусмотрел все, отправляясь в опасное бегство: на случай, если их семью схватят, у него были ампулы с цианидом на всех. Вот хирург, обвиняемый в предательстве, который посадил пятерых своих детей на пять разных кораблей, чтобы хотя бы у одного из них был шанс выжить. Чудом выжили все. В каждом сюжете мысль о том, что наступают времена, в которые если любишь кого-то по-настоящему, должен его отпустить. Отпустить, не зная, поможет ли это ему спастись. Если война однажды входит в человеческую жизнь, она уже никогда ее не покинет: она заполняет собой все пустоты и лакуны, она пробирается в любые воспоминания и определяет все на многие годы вперед, делает людей поверженными, беззащитными и беспомощными.

«Как представить себе, что мать способна пробраться с двумя маленькими детьми через джунгли, преодолев расстояние в несколько сотен километров? Одного она будет привязывать к ветке, чтобы защитить от диких зверей, другого уносить вперед, привязывать тоже, а потом возвращаться за первым и совершать тот же путь снова. Однако эта женщина сама рассказывала мне про эту свою прогулку голосом воительницы девяносто двух лет от роду. Мы с ней беседовали шесть часов, но я так и не выяснила многих подробностей. Я забыла ее спросить, где она взяла веревки, сохранились ли у детей и поныне следы на теле. Кто знает, может, эти воспоминания стерлись вовсе, осталось единственное – вкус диких клубней, которые она сперва пережевывала, чтобы накормить детей? Кто знает...»

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ, «ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ РАТСХОФ. ЛАБИРИНТ МЕРТВЕЦА» («НОМПАСГИД»)

Писательский диапазон Евгения Рудашевского весьма широк, и все же приключенческие детективы, связанные с тайнами прошлого, — это его несомненный конек. Выход тетралогии «Город солнца» и двухтомного «Истунана» стал событием, и первая книга нового цикла написана с той же любовью к загадкам и знанием материала без излишних поучений и морализаторства. Действие романа разворачивается в Калининграде, где живет девятиклассница Оля Гончарова. Она помогает родителям в их небольшом магазинчике и увлекается посткроссингом — международным обменом открытками. Однажды к ней в руки попадает антикварная нарточка с тремя марками разных стран и непонятной подписью. Девочка с друзьями начинает расследование с книжного квеста, но постепенно их приключения становятся все более реальными. Рудашевский создает метатекст с использованием отсылок к Майн Рида, «Нижнему сыщину» Бертман и «Охотникам за сокровищами» Паттерсона, в итоге получается увлекательный квест, нагруженный смыслами, но не перегруженный ими. Калининград (и Ненигсберг из линии прошлого) описаны со всей возможной тщательностью и скрупулезностью, поэтому «Почтовая станция Ратсхоф» — это еще и калининградский текст, где город — один из важнейших героев. Нам всегда у Рудашевского, просто читать не получится — то и дело придется обращаться к ресурсам Всемирной паутины, чтобы лучше понять все факты и отсылки, которые упоминает писатель.

«Я смотрела на марку с парящим в облаках египетским стервятником и пощипывала себя ногтями за губу. Поняла, что не успокоюсь, пока не выясню, действительно ли открытка оригинальная, ведь папа не был

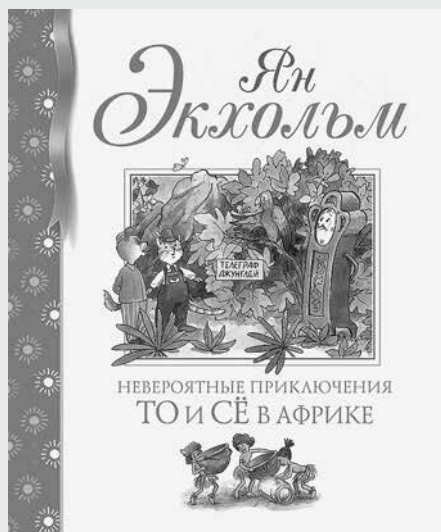
в этом полностью уверен. Карточку могли нарочно состарить для красоты. В итоге папа пообещал мне передать открытку в научно-исследовательскую лабораторию, куда отправлял наиболее ценные открытки – те, чьи возраст, тип печати или сохранность требовали документального подтверждения. На радостях я расцеловала папу и весь день ходила счастливая. Осталось дождаться ответа из лаборатории».

ЯН ЭНХОЛЬМ, «НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТО И СЁ В АФРИНЕ» («МАХАОН»)

Шведский писатель Ян Энхольм хорошо знаком русскоязычному читателю по самым разным сериям книг: про мальчика-детektива Лассе, про лис Тутту и Людвигу, про френкен Сталь. Эта книга — продолжение приключений кота по имени То и пса по имени Сё из города Небось. Перед нами книга-путешествие, построенная по тому же принципу, что странствия Гулливера, но для младшего школьного возраста. Герои путешествуют в африканские джунгли на летательном аппарате в виде молочника, оназываясь в самых разных местах вроде деревни, населенной часами. Книги Энхольма — это всегда абсолютно безграничная фантазия на грани абсурда, динамично развивающиеся события, много солнца и радости. Сам прозаик говорит о том, что когда живешь в стране, где полгода зима, такая литература — это необходимая терапия. Не только детям, но и взрослым, а потому эта книга прекрасно подходит для чтения родителями детям.

«В газете редактора Селезня Тия Эльф разместила объявление, что на пир приглашаются все участники соревнований, поскольку она желает их поблагодарить.

Звери начали немедленно готовиться. На большой площади были расставлены столы и скамейки. Кролик Мазарин собрал своих многочис-

ленных родственников и велел им, не откладывая, приступить к делу и напечь им столько лакомств, чтобы с избытком хватило для настоящего праздника, который затеяла Тия Эльф».

АЙОНА РЕЙНДЖЛИ, «ПИНГВИН ПО ИМЕНИ ЭЙНШТЕЙН», ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЭВИДА ТЭЗЗИМАНА («ПОЛЯНДРИЯ»)

Поклонникам серии книг о медвежонке Паддингтоне обратить внимание: в этой истории (на русском языке она пока одна, но на английском уже три) полный набор слагаемых хорошей детской приключенческой книги: обаятельный герой, милое, хоть и не идеальное семейство, добрый юмор и отличные иллюстрации. Пингвин Эйнштейн знакомится со Стюартами в Лондонском зоопарке, но уже тем же вечером, воспользовавшись любезным приглашением, появляется с рюкзаком на крыльце их дома. В рюкзаке запас селедны на несколько дней, фотоаппарат «Полароид» и несколько снимков, по которым Стюарты понимают, что Эйнштейн ищет друга, пойманного и отправленного в один из зоопарков Великобритании. История о дружбе, взаимопонимании и готовности помочь, даже когда при этом рискуешь выглядеть не вполне нормальным.

«Все повернулись к дивану, где довольный Эйнштейн плюхался на животе, пытаясь поймать проползавшую муху.

– Думаю, еще лучше ему будет дома, с родителями-пингвинами.

– А если он специально оттуда убежал? – спросила Имоджен. – Может, в зоопарке его обижали и не давали лазаньи!

Мистер Стюарт уже начал набирать номер из телефонной книги.

Имоджен смотрела на него, насупившись, несколько раз открыла и закрыла рот, а потом сердито потопала наверх – пижама развевается, тапки мелькают в воздухе».